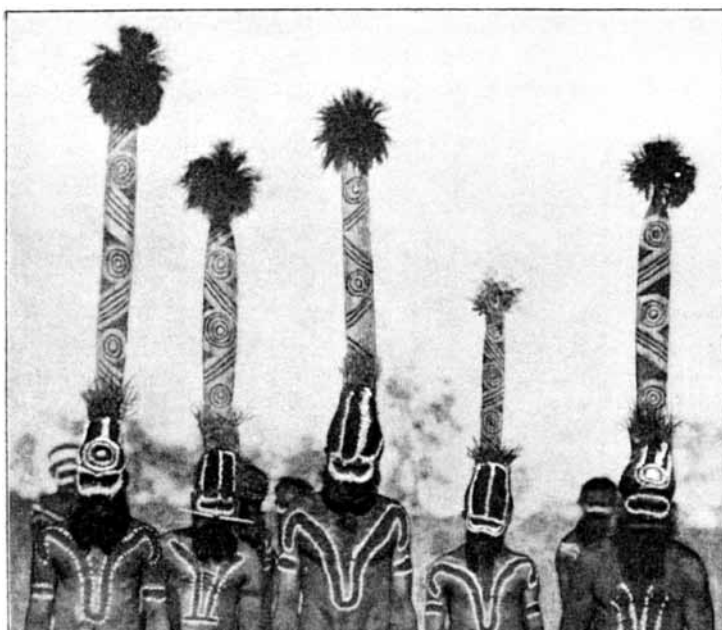

ТАЙНА ПУСТЫНИ

*Перевод с шведского – Дмитрий Бондарь
по изданию: Sven Lindqvist © TERRA NULLIUS:
En resa genom ingens land (2005).*

*For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 021)*

Болдуин Спенсер сделал эту фотографию во время семинедельного цикла церемоний во дворе телеграфной станции. До него так и не дошло, что он оказался вовлечен в одну из наиболее успешных PR-кампаний в истории.

сильное и полнейшее непонимание религиозной потребности коренного населения в теснейшей связи с землей. Рисунки на теле, рисунки на земле, мифы, песни и танцы – все это для науки лишь ужасные церемонии, назначение которых никому коренному населению неизвестно.

Эта глухая стена непонимания со стороны белых приводит к сформулированному в виде неуклюжей шутки смертному приговору – скоро ведь их все равно не будет. Скоро проблема, слава богу, исчезнет. Скоро законы биологии преобразят фикцию «terra nullius» в реальность.

22.

Как реагировали те, кто получил этот коллективный смертный приговор?

Даже личный смертный приговор перенести трудно. Как же жить дальше с сознанием, что не только я сам, но и все, кто говорит на одном со мной языке, живет, как я, думает, как я, надеется, как я, – словом, весь наш мир скоро будет уничтожен, и весь наш народ будет мертв, и никого после нас не останется?

Вожди народа аррернте не читали доклада экспедиции Хорна. Но суть его они поняли. Они поняли, что надо что-то делать. Они должны найти, где и как пробить эту стену непонимания белых. Они должны добиться, чтобы хоть кто-то из оккупантов понял их веру, их общество и его жизненный уклад.

Кто? Фрэнк Джиллен, начальник телеграфной станции в Элис, был одним из самых могущественных белых людей во всей округе. Он вступил в схватку с тираном Уилтширом и победил. Он уже давно проявлял позитивный интерес к культуре оккупированных. Они знали его почти два десятилетия. Они выбрали Фрэнка Джиллена.

Джиллен в свою очередь выбрал Болдуина Спенсера. Это был 35-летний профессор биологии, который приехал в Элис с экспедицией Хорна. Экспедиция через три дня уехала дальше, а Спенсер задержался на три недели, чтобы выслушать то, что ему хотел рассказать Джиллен. У Джиллена были опыт, знание местных обычаев и контакты среди местных. У Спенсера – образование, умение формулировать и международные контакты. Они дополняли друг друга и оба были окном в мир для народа аррернте.

Вожди аррернте решили показать Спенсеру и Джиллену большой семинедельный цикл церемоний. На самом деле он должен был проводиться в Иманпа, на пути к Улuru,

но теперь для удобства исследователей его перенесли во двор телеграфной станции в Элис Спрингс. С середины ноября 1896 года по 8 января 1897 года Спенсер и Джиллен наблюдали и документировали в среднем 5–7 церемоний в день.

Позже выяснилось, что церемонии проводились со многими упрощениями и сокращениями, вызванными их перенесением в Элис и тем, что многие участники-аборигены сами не относились к народу аррернте. Недопонимание усугублялось тем, что исследователи не говорили на языке аборигенов; они задавали вопросы и получали ответы через переводчика с его пиджин-инглишем.

Когда Спенсер уехал, люди аррернте продолжали посвящать Джиллена в свои секреты. Вскоре он смог отправить Спенсеру еще 110 страниц заметок, которые тот включил в свои записи. Через 4 месяца Спенсер завершил работу, и она была опубликована в журнале «Природа». Через двух своих посланцев народ аррернте впервые вышел на международную публику.

Одновременно Спенсер работал над книгой «Коренные племена Центральной Австралии», которая была закончена в марте 1898 года. Джиллен читал и комментировал главу за главой. Свои замечания высказали также ведущие этнологи того времени Эдвард Тайлор и Джеймс Фрейзер. Книга вышла 13 января 1899 года и сразу же стала мировой сенсацией.

«Половина всей антропологической теории с тех пор основывается на их трудах, а девять десятых остального или испытало их влияние, или ими модифицировано», – писал Малиновский в 1913 году.

Люди аррернте пели и танцевали для Джиллена и Спенсера и пытались объяснить суть своей жизни и общества. Это удалось лишь отчасти. Спенсер на всю жизнь сохранил убеждение, что аборигены – это раса, обреченная на исчезновение. Он так никогда и не понял, что коренное население, которое было объектом его исследования, на самом деле использовало его как инструмент в одной из самых успешных в истории пропагандистских кампаний.

Аррернте, неизвестный пустынный народ в самом сердце самого удаленного в мире континента, вдруг стал самым известным в мире и широко обсуждаемым коренным народом. Они не хотели, чтобы их тихо уничтожали. Они хотели показать, что их «terra» не является «nullius».

Сегодняшний Элис Спрингс напомнил мне Таманрассет в Сахаре: то же высохшее русло реки, пересекающее город насквозь, такая же единственная дорога с севера на юг, то же ощущение удаленности отовсюду, тот же космополитический дух, тот же резкий контраст света и тени, белого и черного.

Только Там более пыльный, бедный и тяжелый, чем Элис, который хотя бы в зимнее время становится приятным городом. Зимняя погода – это солнце и тепло, хотя ночи немного прохладные. Я купил книги в книжном магазине «Аранта»; две пожилые дамы-хозяйки относились к нему, как к своей гостинице, а к покупателям – как к своему обществу. Я съел на ланч салат в Вулвортс, почитал Фрейда и Дюркгейма в библиотеке, купил карты в Департаменте окружающей среды и поужинал на открытой площадке Спортивного кафе, прежде чем вернуться к себе в гостиницу «Элис Спрингс Резорт» на другой стороне моста.

Элис находится в постоянном контакте и с космосом, и с метрополиями. Эта маленькая точка в пустыне является частью международной сети, копирующей и изучающей все спутниковые переговоры, факсы и электронную почту, курсирующие между городами мира. На американской базе электронной разведки в Пайн Гэп установлен десяток прослушивающих шаров-антенн, которые с 1970 перехватывают сигналы со спутниковых передатчиков, телефонов и радаров во всем мире. Каждый вздох по мобильному телефону где угодно в мире слышен также и в Элис Спрингс.

Этим город и живет. Базе в Пайн Гэп принадлежит более 600 домов в Эллис, и она закупает местных товаров и услуг на 4 млн. долларов ежегодно. В маленьком городе с 25-тысячным населением это заметно, и это придает ему атмосферу города белого среднего класса.

Темнокожие составляют едва ли 2% населения Австралии. Но в штате Северные Территории их 30%. Предсказание, что темнокожие вымрут, не сбылось.

И это не потому что они живут дольше, как раз наоборот. Средняя продолжительность жизни среди темнокожих лишь 60 лет для мужчин и 66 для женщин. Белые живут в среднем на 17 лет дольше.

Нет, доля темнокожих в населении растет из-за детей. Средний возраст темнокожих – 21 год. Старееющее белое население живет бок о бок с молодеющим черным.

В офисе омбудсмэна по вопросам дискриминации задача считается выполненной – согласно официальной статистике в Элис Спрингс больше нет дискриминации темнокожих.

– Как же объяснить безработицу? – спрашиваю я. – И где те места, где белые и черные встречаются как равные?

Среди белых – открытость и доброжелательность. Люди здороваются и приветствуют друг друга, как и бывает в маленьких городках. Но черный никогда не поздоровается с белым первым. Они стесняются? На них оказывают давление? У них нет интереса? Они настроены враждебно?

Аборигены встречаются среди служащих в частных и государственных организациях, среди продавцов в магазинах, дворников и парковочных контролеров и среди задиристых пьяниц в парках. Я вижу их как клиентов в судах, как пациентов в больнице, как художников в картинных галереях, иногда как посетителей ресторанов и часто в одной компании с белыми. Я вижу их читающими, слушающими записи или просматривающими видео в библиотеке. Но я практически никогда не вижу аборигена в ситуации, чтобы возникла возможность «встретиться», «поговорить», «попить кофе» или просто обратить друг на друга внимание. Жесткие правила требуют письменного разрешения на посещение поселков аборигенов, фотографирование аборигенов или воспроизведение сказанного аборигеном.

Почему? Ну, а почему так долго презираемый народ, теперь, когда уже не идет речь о его неизбежном уничтожении, должен стремиться к общению с теми, кто его когда-то презирал и уничтожал? Почему народ, который так долго использовали, должен бесплатно предоставлять себя в качестве экзотической приманки в западне для туристов?

24.

Ночью мне снятся холмы Стокгольма, которые как-то неожиданно объединены системой легких, стройных мостов. Я иду пешком через Риддарфьерден, от Мариакиссен к Кунгскиппан. Я иду по эстакаде над Йотгатан от Хельгалунден к церкви Софии. Другой мост соединяет Софию с Мосебакке и Мосебакке с Мариабергет.

Паутина мостов, построенных из тонкой, гибкой древесины, окутывает весь город. Они похожи на систему подземных ходов, которые у Фурье* связывают и места работы, и любовников. Но мосты кроме того предлагают великолеп-

ный обзор, что делает такой приятной возможность идти по-верху, высоко над этой гонкой за временем и прибылью.

Удивительные связующие нити, пути прямые и быстрые, как полет птицы, – будь славен каждый новый мост, победа полета фантазии. Весь Стокгольм, как мозг, переплетен этими извилистыми, воздушными тропами, где тело может передвигаться с легкостью мысли.

25.

Как человек стал человеком? Именно этот большой вопрос поставил перед читателями Дарвин. Если человек не создан Богом, а постепенно развивался от животного к человеку через естественный отбор, то каковы же те качества животного, которые сделали для него возможным стать человеком?

Были ли это быстрота, сила и хитрость в постоянной гладиаторской борьбе за жизнь и смерть? Или это способность уничтожать друг друга привела к появлению человека? Да, такая мысль у Дарвина была, и во второй половине XIX века она постепенно стала главенствующей в европейском сознании под названием «дарвинизм».

Но у Дарвина был и совершенно иной ответ на этот вопрос. Люди достигли своего нынешнего превосходства над другими видами животного мира через свой социальный талант, свою способность сотрудничать и помогать друг другу. Эта сторона учения Дарвина нашла своего основного последователя в лице Петра Кропоткина.

Кропоткин принадлежал к высшей российской аристократии и получил известность как исследователь Сибири. Там он искал примеры конкуренции и борьбы между представителями одного животного вида и нашел вместо этого многочисленные примеры сотрудничества. Именно путем сотрудничества слабые животные защищаются от хищников, оберегают свое потомство и организуют перемещение в новые районы. Конечно, сила и быстрота в определенных обстоятельствах важны для выживания. Но сотрудничество является намного более важным фактором в борьбе за жизнь, писал Кропоткин в своей книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902).

В этой дискуссии материалы Спенсера имели большое значение. Он описывал народ аррернте как «голых, воющих дикарей», не способных слепить глиняную миску, сшить одежду или выбрать вождя. Но они вовсе не походили на тот рас-

хожий «дарвинистский» образ примитивного человека, с его насилием, непредсказуемостью и устремленностью только на удовлетворение своих эгоистических интересов.

Центром их религиозной жизни, как ее описывают Спенсер и Джиллен, является Интичума – церемония, цель которой в том, чтобы облегчить возможность пропитания. Удивительно, однако, что члены каждого клана стремятся сделать более доступным вообще именно то животное или растение, которое они сами из-за строгих табу не могут употреблять в пищу. Зачем вкладывать столько церемониальных усилий в задачу, от которой сам не можешь получить никакой пользы, задает вопрос Джеймс Фрезер в длинном письме Спенсеру.

Он сам и отвечает: хотя отдельный клан не может извлечь пользы или результата из церемонии Интичума, все другие кланы эту пользу или результат получают. Общий эффект от усилий всех кланов будет состоять в том, что доступность пищи возрастет для всех.

Народ аррернте у Спенсера и Джиллена не живет «в войне всех против всех», а напротив, имеет сложную внутреннюю организацию, цель которой избежать конфликтов из-за пищи через распространение семейной солидарности на все более широкий круг все более дальних сородичей. Чтобы минимизировать конфликты между мужчинами из-за женщин, у них установлены строгие брачные правила.

Короче говоря, идеи Кропоткина получают здесь свое подтверждение. Естественный отбор ведет не к борьбе и конкуренции, а к поиску методов избежать столкновений. Это относится и к животным, и к человеку. Общество появилось раньше, чем человек. Но до появления общества человека не было.

26.

Самыми знаменитыми толкователями Спенсера и Джиллена стали Эмиль Дюркгейм и Зигмунд Фрейд. Оба использовали жизнь аборигенов как возможность заглянуть в происхождение человеческой культуры.

Оба нашли в Дарвине отправную точку и хотели вслед за ним создать всеобъемлющую модель понимания мира, намного более широкую по охвату, чем та область, где она первоначально возникла. Фрейд считал себя Дарвином души, а Дюркгейм – общества.

Фрейд родился в 1856 году, Дюркгейм в 1858. Спенсер стал профессором в Мельбурне в 1887, в том же году, когда Дюркгейм – лектором в университете Бордо, а Фрейд – врачом в Вене. Дюркгейм первым из них в середине 1890-х годов выпустил две эпохальные социологические работы*. Через несколько лет вышла знаменитая работа Фрейда «Толкование сноведений» (1899), в том же году, что и книга Спенсера «Коренные племена».

Дюркгейм и Фрейд оба выросли в бедных еврейских семьях, где традиционная религия и чувство тесной социальной общности имели особое значение. Оба отказались от веры своих отцов, но всю жизнь продолжали ощущать ее притягательную силу. Оба находились под сильным впечатлением от представленного Спенсером и Джилленом описания примитивного общества, в том числе и потому, что оно напоминало замкнутое, движимое внутренними законами общество, в котором они сами выросли.

Вершиной деятельности Дюркгейма стала работа «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) – исследование верований народа аррернте, которые рассматривались как изначальные и основополагающие для всех религиозных форм и поэтому имеющие для них всех ключевое значение.

Когда австралийский абориген во время своих церемоний наполняется благоговением и экстазом, он не становится жертвой иллюзии. Конечно, поясняет Дюркгейм, абориген ошибается, когда верит, что животное или растение творит чудеса в нем самом. Как отец Дюркгейма ошибался, веря в Яхве. Животное или Яхве – это только метафоры действительного явления – того общества, к которому относится верующий. Общества, которое может больше, чем индивид. Общества, которое поддерживает и помогает, но также требует и наказывает.

Все это исследование, пишет Дюркгейм, исходит из уверенности, что совместный опыт всех верующих во все времена не может быть простым плодом воображения. «Религиозный опыт» существует – но сам факт, что верующие в различные времена и в разных частях света имели на основе этого опыта настолько непохожие представления, делает маловероятным, что кто-либо из них «прав».

А опыт остается. За представлениями веры имеется реальность. Эта реальность – общество.

Таким образом, Дюркгейм нашел примирение со своим отцом и тем миром, в котором он вырос, поместив их в новый мир социологических понятий, в котором он жил теперь.

Ему, как он полагал, удалось показать, что Бог, к которому всю свою жизнь стремился его отец, – это то же, чему он сам посвятил свою жизнь исследователя, это – общество.

27.

Осенью 1896 года, когда Спенсер наблюдал на заднем дворе телеграфной станции в Элис Спрингс церемонии, которые позже толковали теоретики, Зигмунд Фрейд только что потерял отца. Эта смерть побудила Фрейда начать самоанализ, позже ставший психоанализом.

Одним из его центральных открытий было то, что еще ребенком он иногда желал смерти своему отцу. Еще через 10 лет для Фрейда стало ясно, что Эдипов комплекс является причиной всех неврозов. И вот в работе «Тотем и табу» (1912-13) отцеубийство становится – через толкование данных Спенсера и Джиллена – тем актом творения, которое ведет к появлению цивилизации.

И снова церемония Интичиума народа аррернте попадает в центр внимания. Фрейд подчеркивает, что церемония завершается торжественной трапезой, в ходе которой разрешается и даже требуется, чтобы участники съели животное-тотем, что обычно строго запрещается табу.

«Представьте себе эту сцену», – пишет Фрейд и дает волю своей фантазии. Клан убивает животное-тотем и съедает его сырым. При этом участники одеваются под это животное, подражая его звукам и движениям, как бы подчеркивая идентичность человека и животного. Действие, которое каждому из участников запрещено осуществлять в одиночку, становится обязательным к исполнению для всех них вместе. Никто не может отказаться. Когда животное-тотем съедено – его оплакивают и о нем скорбят.

«Психоанализ позволяет нам понять, что животное-тотем – это подмена отца», – пишет Фрейд. Это ведет к гипотезе, которая, как он признает, «вполне может показаться фантастической», но которая устанавливает интересную связь между феноменами до этого совершенно разрозненными.

В общине первобытных людей, как ее описывает Дарвин, доминирующую роль играет отец, властный и ревнивый, который стремится оставить всех женщин себе и прогоняет сыновей. Это первобытное состояние нигде и никогда научно не наблюдалось. Те примитивные сообщества, которые мы видели, например, среди аборигенов, основаны

на «союзе мужчин» при сравнительно равноправном положении его участников. Как же возникли эти союзы мужчин из первобытного сообщества, спрашивает Фрейд.

«Основываясь на описании праздника тотема, мы можем позволить себе сделать следующий вывод: однажды изгнанные братья собрались вместе, убили отца, съели его и таким образом положили конец власти отца в общине. Совместно они посмели и смогли сделать то, что для каждого в отдельности было невозможным».

То, что отца надо съесть, для этих диких каннибалов было естественным. Съедая часть тела отца, каждый получал его силу. Тотемическая трапеза церемонии Интичума, «может быть, первая праздничная трапеза человеческого общества», становилась торжественным воспоминанием об этом преступлении отцеубийства, которое дало начало социальной организации людей, этике и религии.

Ведь когда отец мертв и съеден, на смену ненависти сыновей приходит нежность и покаянный страх. «Мертвый становится сильнее, чем был живой». Братья становятся «послушными задним числом» и запрещают друг другу убивать и есть замену отца – животное-тотем. Они запрещают друг другу «пользоваться» (как выражается Фрейд) женщинами, которых убийство отца сделало доступными. Ощущая чувство вины, братья отказываются от плодов своего преступления и ищут таким образом примирения с мертвым отцом.

Это примирение мы ищем, как полагает Фрейд, до сих пор. Мы ищем его в причастии, когда вкушаем тело и кровь Христа в память о той первоначальной тотемной трапезе, когда сыновья пожирали тело мертвого первоотца. Мы ищем его в обществе и в культуре. Во всем стремимся мы загладить изначальное преступление – отцеубийство. Фрейд формулирует это в заключительной фразе своей книги:

«Данное исследование показывает, что Эдипов комплекс является началом религии, этики, общества и искусства, что полностью соответствует психоаналитическому выводу о том, что этот комплекс лежит в основе всех неврозов».

«Замечательно», – сказал петух, когда курица сбила с ног лошадь.

28.

Действительно, интересные башни теорий понастроили Фрейд и Дюркгейм из кирпичиков Спенсера и Джилленса с заднего двора телеграфной станции – никогда там не бывав и даже ни разу не увидев аборигена.

Оба исходили из оказавшегося неверным основного предположения. Они считали, что народ аррернте находится на «первоначальной» стадии развития человечества, которая уже пройдена другими народами. Но нет никаких доказательств того, что все народы проходят одинаковый путь развития или что народ аррернте более «первоначальный», чем другие. Аррернте очень необычный народ, даже для Австралии, и, в частности, такой церемонии, когда съедаются животные-тотемы, у других народов нет. Таким образом, рушится одна половина гипотезы Фрейда. Изучение социальной жизни приматов не подтверждает положение Дарвина о доминировании в стаде одного ревнивого самца. Так рушится и вторая половина.

Дюркгейм приписывал тому, что Фрейд называл «союзом мужчин», и тому, что он сам называл «кланом», роль, которую на самом деле выполняют другие общественные формы: семья (живущие вместе), род (семьи, живущие вместе временно), племя или народ (говорящие на одном языке и живущие на одной территории). Клань, напротив, разбросаны на большой территории, встречаются только для церемониальных целей и не имеют той социальной общности, которой наделял их Дюркгейм. То «общество», в котором он видел прочную основу религиозного опыта, распадается при более близком изучении на целый ряд «обществ».

И какое же из них заслуживает, чтобы его называли Богом?

Примечания:

Выделенные числа указывают номер главы.

Тайна пустыни

- Mudie 1968.
Morton 1989, гл. 4-6. Southall 1962. Beadell 1965. Chambers 2000.
Immigration Museum, Adelaide. Jupp 1991, гл. 5; McMaster 2001, предисловие и гл. 3, 4, 6 а также стр. 95.
White 1994, гл. 4.
White 1994, гл. 18, 23.
Söderblom 1914, гл. 4.
White 1994, гл. 7.
Favenc 1896, гл. 5, 7.
Favenc 1896, гл. 8, 25, 26. Phillips 1997, гл. 4. Haynes 1998, гл. 5.
Mulvaney 1989, гл. 18; Willshire цитируется по Dewar 1997, гл. 2.
Darwin 1871, гл. 6; Hill 1907, гл. 5; Morris 1900, стр. 20; Pitt-Rivers 1927, гл. 3.
Horn, Report 1896, том 4, стр. iv.
22. Spencer и Gillen называли их "Arunta", в литературе встречаются и другие названия. Автор везде использовал те названия, которые в наши дни применяются самими аборигенами; Stocking 1983. Mulvaney & Calaby 1985, гл. 9; Malinowski цитируется по Gill 1998, гл. 2.
24* Шарль Фурье (1772-1837), фр. утопист – *прим. пер.*
23. New Territory News 24/3 2003.
25. Kropotkin 1902. Woodcock 1950. Hiatt 1996, гл. 5, 6.
26. Gay 1988, гл.1; Lukes 1973. Kuper 1988, гл. 6.
26* После защиты докторской диссертации «О разделении общественного труда» (1893) Дюркгейм публикует две свои самые знаменитые работы: «Правила социологического метода» (1895) и «Самоубийство» (1897) – *прим. пер.*
27. Freud 1912-13, IV:6, IV:7.
28. Gay 1988, гл. 7; Lukes 1973, гл. 23.

Краткая библиография

- BEADELL, Len: Still in the Bush (1965), Sydney 1999.
CHAMBERS, Edward W: Woomera: Its Human Face, Adelaide 2000.
DARWIN, Charles: The Descent of Man (1871), Princeton 1981.
DEWAR, Mickey: In Search of the Never-Never: Looking for Australia in Northern Territory Writing, Darwin 1997.
DURKHEIM, Emile: Les formes élémentaires de la vie religieuse (1912), Paris 1998. The elementary forms of the religious life (1976).
DURKHEIM, Emile: Selected Writings, Cambridge 1972.
FAVENC, Ernest: The Secret of the Australian Desert (1896). Swedish edition: Ödemarkens hemlighet, Äventyr under en upptäcktsfärd i Australien (Fritzes Scoutbibliotek 14), Stockholm 1918.
FREUD, Sigmund: Totem und Tabu. Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker. (1912-1913) (Studienausgabe IX, Frankfurt 1974.) (Totem and Taboo: Resemblances between the psychic lives of savages and neurotics, 1918.)

- FREUD, Sigmund: Die Traumdeutung (1899). (Studienausgabe II, Frankfurt 1972.) (The Interpretation of Dreams, 1913.)
- GAY, Peter: Freud, A Life for Our Time, N Y 1988.
- GILL, Sam D: Storytracking: Texts, Stories and Histories in Central Australia, New York 1998.
- HAYNES, Roslynn: Seeking the Centre: The Australian Desert in Literature, Art and Film, Cambridge 1998.
- HIATT, L R: Arguments About Aborigines: Australia and the Evolution of Social Anthropology, Cambridge 1996.
- KROPOTKIN, Petr: Mutual Aid: A Factor of Evolution (1902), Boston 1955.
- KUPER, Adam: The Invention of Primitive Society: Transformations of an Illusion, London 1988.
- LEVI-STRAUSS, Claude: Structures élémentaires de la parenté, Paris 1949.
- LINDQVIST, Sven: Utrota varends jävel, Stockholm 1992. (Exterminate All the Brutes, Granta, 1997)
- LUKES, Steven: Emile Durkheim: His Life and Work, London 1973.
- MALINOWSKI, B: The Family Among the Australian Aborigines: A Sociological Study (1913), NY 1963.
- McMASTER, Don: Asylum Seekers: Australia's Response to Refugees, Melbourne 2001.
- MORRIS, Henry C: The History of Colonization from the Earliest Times to the Present Day, New York 1900.
- MORTON, Peter: Fire Across the Desert: Woomera and the Anglo-Australian Joint Project 1946-1980, Department of Defence, Canberra 1989.
- MUDIE, Ian: The Heroic Journey of John McDouall Stuart, Sydney 1968.
- MULVANEY, D J: Encounters in Place: Outsiders and Aboriginal Australians 1606-1985, Adelaide 1989.
- MULVANEY, D J & Calaby, J H: 'So Much That Is New': Baldwin Spencer 1860-1929, Melbourne 1985.
- PHILLIPS, Richard: Mapping Men and Empire: A Geography of Adventure, London 1997.
- PITT-RIVERS, George Henry Lane-Fox: The Clash of Cultures and the Contact of Races: An anthropological and psychological study of the laws of racial adaptability with special reference to the depopulation of the Pacific and the government of subject races, London 1927.
- REPORT on the Work of the Horn Scientific Expedition to Central Australia, vol 4. Anthropology, Melbourne 1896.
- SPENCER, W Baldwin & Gillen, F J: The Native Tribes of Central Australia, London 1899.
- SPENCER, W Baldwin & Gillen, F J: The Northern Tribes of Central Australia, London 1904.
- SPENCER, W Baldwin & Gillen, F J: The Arunta, A Study of a Stone Age People (1927), Oosterhout 1966.
- STREHLOW, Th: 'Geography and the Totemic Landscape in Central Australia: A Functional Study.' I: Berndt, Ronald M: Australian Aboriginal Anthropology, Nedlands, W.A. 1970.
- STREHLOW, Th: Songs of Central Australia, Sydney 1971.
- STOCKING, George W, ed.: Observers Observed: Essays on Ethnographic Fieldwork, Wisconsin 1983.
- SÖDERBLOM, Nathan: Gudstrons uppkomst, Stockholm 1914.
- WHITE, Mary E: After the Greening: The Browning of Australia, East Roseville NSW (1994) 1998.
- WOODCOCK, George & Avacumovic, Ivan: The Anarchist Prince: A Biographical Study of Peter Kropotkin (London 1950), New York 1970.